

Bair Z. Nanzatov
Vladimir V. Tishin

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia

Bayırqu and Barγu: Deconstructing One Myth

Voprosy onomastiki, 2020, Vol. 17, Issue 1, pp. 168–189
DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.009

Language of the article: Russian

Нанзатов Баир Зориктоевич
Тишин Владимир Владимирович

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Байырку и барγу: конец одного мифа

Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 168–189
DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.009

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.009
УДК 811.512.3*373.6(571.54) + 81:39

Б. З. Нанзатов
В. В. Тишин

Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

БАЙЫРКУ И БАРГУ: КОНЕЦ ОДНОГО МИФА*

Постепенно в научной и иной литературе, касающейся этногенеза и этнической истории бурят, сформировалось мнение о соответствии этнонимов *байырку* ~ *байарку*, известного в древнетюркскую эпоху, и *баргу*, впервые зафиксированного в начале XIII в. Это мнение хорошо укладывалось в представления об этнической преемственности населения Байкальского региона на разных исторических этапах. Выдвинутая однажды в качестве гипотезы, точка зрения укрепилась в историографии как научный факт, причем, что парадоксально, она никогда не подвергалась ни проверке, ни критике с филологической точки зрения, т. е. просто молчаливо принималась исследователями. Данная статья посвящена критике и деконструкции этой точки зрения. Авторами приводится лингвистическая аргументация, демонстрирующая отсутствие каких-либо оснований для отождествления этнонимов *байырку* ~ *байарку* и *баргу* как одновременных фонетических форм одного слова. В частности, в статье показано, что никакие законы фонетики, известные, по крайней мере, для языков алтайской семьи, не позволяют обосновать преобразование форм VIII–X вв., будь то *bajırqu* или *bajarqu*, в известное с XIII в. наименование *баргу*. Кроме того, исходя из материалов тюркских и монгольских языков, авторы рассматривают различные версии происхождения каждого из этнонимов. Наименование *bajırqu* ~ *bajarqu* предлагается возводить к производящей основе *baj + u-* ~ *baj + i-* ‘быть богатым, богатеть’ и рассматривать как отглагольное имя с буквальным значением ‘делающий (могущий / способный сделать) богатым’. Зарегистрированный в монгольской среде этноним

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии: реконструкция ее историко-культурного прошлого».

baryu, обнаруживающий параллели в этнонимии тюркских народов в формах *baryi*, *barqi*, может быть как тюркским заимствованием, так и оригинальным образованием, в обоих случаях представляя собой отглагольное имя от основы с обликом *bar-*.

Ключевые слова: этнонимия, этимология, *байырку*, *баргу*, Внутренняя Азия, Байкальский регион, тюркские языки, монгольские языки, этногенез бурят.

В ряду вопросов, касающихся этногенеза бурят, особое место занимает дискуссия о возможности генетической связи современного бурятского населения Байкальского региона с исторической общностью, известной в научной литературе, как *байырку*. Историками была сконструирована версия, молчаливо принимаемая сегодня большинством исследователей, об этнической преемственности населения региона — от *байырку* к современным бурятам, в которую в качестве промежуточной ступени оказалась также вплетена общность *баргу*. Надо отметить, что эти построения базируются лишь на сопоставлении ареалов расселения названных сообществ и лингвистических спекуляций¹<?>. Подгоняемые под эту схему «этногенетические» построения не выдерживают критики с точки зрения методологии, поскольку этническая преемственность в отношении тех или иных групп кочевнического населения, объединения которых всегда имели прежде всего политическую основу, а также сегментированную социальную организацию, текучую по составу и, соответственно, гибкую по структуре [Németh, 1991, 29–47], неочевидна.

байарку ~ байырку

Первое упоминание племенного названия *ба-е-гу* 拔也古 / 拔野古 восходит к периоду династии Суй 隋 (581–618 гг.), встречаясь в перечне племен (*син* 姓) группы *те-лэ* 鐵勒, который дается в цз. 99 «Бэй ши» 北史 (*ба-е-гу* 拔也古), цз. 84 «Суй шу» 隋書 (*ба-е-гу* 拔也古), цз. 199 «Тун дянь» 通典 (*ба-е-гу* 拔野古), цз. 198 «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 (*ба-е-гу* 拔野古) и затем повторяется в цз. 344 «Вэнь-сянь тун-као» 文獻通考 (*ба-е-гу* 拔也古). Этноним *ба-е-гу* 拔也古 / 拔野古 упоминается здесь среди группы племен, живущих к северу от р. Тола (*Ду-ло-хэ* 獨洛河); в эту группу входили также *пу-гу* 僕骨 (< **buγut*), *тун-ло* 同羅 (< **toŋra*), *вэй-хэ* 韋紇 (< **ujγur*), *фу-ло* 覆羅 [Позднеев, 1899, 38; Chavannes, 1903, 251, п. 2; Цэнь Чжун-мянь, 678, 692–693; Liu Mau-tsai, 1958, 127–128, 566–570, *Ann.* 654–664; Кюнер, 1961, 38; Таşağıl, 2004, 131, 194 («Тун дянь» 通典: 1080/a), 138, 199 («Вэнь-сянь тун-као» 文獻通考: 2698/a); Қазақстан тарихы, 54].

¹ Ввиду широкого распространения этой гипотезы едва ли имеет смысл указывать какие-либо отдельные работы, поэтому мы ограничимся ссылками на два сравнительно недавних крупных издания: том «Буряты», изданный в рамках серии «Народы и культуры» в Институте этнологии и антропологии РАН [Нимаев, 2004, 23, 24] и «Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire» К. Этвуда [Atwood, 2004, 34].

Г. Шлегель изначально дал для встреченного в «Цзю Тан шу» 舊唐書 написания *ба-и-гу* 拔曳固 транскрипцию *Poat-i-kou* [Schlegel, 1892, 23, n. 6]². В следующей работе он транскрибировал форму *ба-е-гу* 拔野古 как *Bayirku* [Schlegel, 1896, I, 137]. В. Томсен сопоставил это с *Bajyrqu* древнетюркских рунических надписей из Хушо-Цайдама [Thomsen, 1896, 73, n. 3, 155, n. 41, 197]. Ф. Хирт, взявший за основу кантонский диалект, обосновал транскрипцию *ба-и-гу* 拔曳固 как *Pa-jyt-ku* < *Bajyrku* [Hirth, 1899, 6], отметив также форму *ба-е-гу* 拔也古 [Ibid., 36]. Эти идентификации были приняты другими исследователями [Аристов, 1896, 365; Chavannes, 1903, 87–88, n. 3; Pelliot, 1949, 187; Hamilton, 1955, 2, n. 2(8)].

В памятниках древнетюркской рунической письменности, относящихся к началу — середине VIII в., фиксируется орфографическая форма *b'j'l'r'q'u* 𐰉𐰺𐰽𐰸 [Şirin User, 2009, 155]. Тот факт, что гласный второго слога не выписан, должно указывать на то, что речь идет о широком неогубленном гласном: *b(a)j(a)rqu*.

В рукописном фрагменте рунического текста из Дуньхуана засвидетельствована форма мн. ч. *b'j'l'r'q'u'l'r'* 𐰉𐰺𐰽𐰸𐰺𐰽𐰸 [Thomsen, 1912, 186, 189, Pl. I, 1a], т. е. *b(a)jir'qu-l(a)r*, с выписанным гласным второго слога, на месте которого представлен узкий неогубленный звук (он также оказал влияние на палатализацию *r* [Pelliot, 1949, 187, n. 1]).

В тибетском документе из коллекции П. Пельо № 1283 встречается форма *ba-yar-bgo* [Vacot, 1956, 147, 152; Clauson, 1957, 14]. В хотаносакских документах IX–X вв. фиксируются формы *ttrrūki bayarkāva* [Bailey, 1939, 87; 1949, 29, 30, 34, 47], *ttrūki bayarkāta* [Bailey, 1937, 883, 884, 885; 1939, 87; 1951, 3, 22; Henning, 1938, 553, 555, 558; Hamilton, 1977, 516–517].

Тибетские и сакские формы привели П. Пельо к мнению, что правильная форма — именно *bayarqu* [Pelliot, 1949, 187; Vacot, 1956, 152], с широким гласным второго слога. П. Пельо отметил также, что транскрипция *ба-е-гу* 拔野古 должна передавать **b^wat-ja-kuo* < **barjaqu* [Pelliot, 1943, 46, n. 5; 1949, 187, n. 1; Hamilton, 1955, 2, n. 2(8)].

С. Е. Яхонтов, основывавшийся на системе реконструкции Б. Карлгрена, рассматривал вариант китайской транскрипции *bá-yě-gǔ* 拔野古 (< **bhuât ia kuo*) как свидетельство того, что, во-первых, в среднекитайском при передаче иноязычных слов конечный *-t* ассимилируется перед *i-*; во-вторых, нулевой согласный в финали второго слога свидетельствует о том, что «иностранные конечные *r* и *l* китайцы иногда не передавали вообще», что подкрепляется другой транскрипцией *bá-yě-gù* 拔野固 < **bhuât iät kuo*, где явный *-t* в конце теоретически обозначает какой-то согласный [Яхонтов, 1970, 115, 118–119, прим. 32].

² Здесь и далее мы сохраняем орфографию цитируемых изданий, чем вызвано прежде всего различие в написании знака, обозначающего сонант [j]: в российской традиции он обычно передается символом *j*, в зарубежной — символом *y*.

Ю. Касаи, напротив, учитывая в транскрипциях финаль *-t* в звучании первого иероглифа и ее отсутствие во втором, считает допустимой гипотезу П. Пельо о том, что китайские транскрипции отражают чтение **baryaqu*. Ю. Касаи дает следующие реконструкции форм:

bá yě gǔ 拔也古 (К: *b'wāt ĭa kuo*, EMC: *bəit/bɛ:t jia'kə*, LMC: *pɦa:t jia' kuǎ*);
bá yě gù 拔曳固 (К: *b'wāt ĭäi kuo*, EMC: *bəit/bɛ:t jiaj^h kə^h*, LMC: *pɦa:t jiaj' kuǎ*);
bá yě gǔ 拔野古 (К: *b'wāt ĭa kuo*, EMC: *bəit/bɛ:t jia'kə*, LMC: *pɦa:t jia' kuǎ*);
bá yě gù 拔野固 (К: *b'wāt ĭa kuo*, EMC: *bəit/bɛ:t jia'kə^h*, LMC: *pɦa:t jia' kuǎ*).

Однако Ю. Касаи отмечает, что такие формы нигде не зарегистрированы [Kasai, 2012, 110; 2014, 101]³.

В. Томсен сравнил название *bajyrqu* с *bajyr* чаг. 'пустыня, равнина', осм. 'склон, холм' [Thomsen, 1896, 155, n. 41]. Г. Е. Грумм-Гржимайло, основываясь на буквальном восприятии китайского звучания, сопоставил название племени с костями *бауга* у камасинцев и *баугул* у чулымских татар [Грумм-Гржимайло, 3/1, 250]. В. И. Сосновский этимологизировал этноним *байырку* как словосложение, где элемент *бай* «значит 'богатый, resp. многолюдный'»; для второго элемента, *ырку* (мн. *ыркут*), автор находит аналогии в различных созвучных топонимах и этнонимах [Сосновский, 1928, 105, прим. 9]. Несколько позже А. Н. Самойлович бегло указал на связь этнонима со словом *baj* 'богатый' [Самойлович, 2005, 301]. По-видимому, Б. Б. Бамбаев первым предложил соотнести историю сообщества *байырку* с позднейшими *баргутами*, помещая тех и других в Приангарье [Бамбаев, 1929, 131].

П. Пельо предложил этимологизацию этнонима от глагола *bayür-* 'разбогатеть', допуская и искаженную форму (*une mauvaise forme*) монг. *bayarqa-* 'пользоваться своим богатством', ср. телеут. *payürqa-* 'то же', кирг. *bayürqa-* 'то же'. При этом форма *bayarqu* как раз может подтверждать метатезу от исходного **baryaqu*. Французский востоковед предположил также, что имя могло быть двухэлементным, отметив и возможность вторичного образования формы *baryu* [Pelliot, 1949, 187, n. 1], видимо, подразумевая **baryu* < **baryaqu*, хотя никак не обосновал это. В другой работе он указывает на возможное сопоставление *bayürqu* с топонимом *Bargu* [Pelliot, 1959, 76–77].

Г. М. Василевич упоминает тюркское племя *байырк* (*sic!*), монгольское племя *баит* (в составе «ойротской группы»), название группы якутов в Верхоянском и Калымском наслегах *Баида*, название рода якутов в Калымском наслеге *Баиды уса* ~ *Байдыма* в сопоставлении с названием рода сымских эвенков *Бая-ки* ~ *Бая-киин*, занимавших различные территории между Обью и Енисеем

³ В «Цзы чжи тун цзянь» 資治通鑑 наряду с *ба-и-гу* 拔曳固 встречается форма *бо-и-гу* 勃曳固 [Pelliot, 1929, 216, n. 7; см. также: Малайкин, 1989, 25, 141, коммент. 53; Қазақстан тарихы, 376, 425, 518 нұсқ.]. Форма *бо-и-гу* 勃曳固 реконструируется следующим образом: пиньинь. *bó-yě-gù* < ран.-ср.-кит. **bət-jiaj^h-kə^h*, позд.-ср.-кит. **pɦut-jiaj' -kuǎ* [Pulleyblank, 1991, 40, 369, 111] < **borjaqu*.

[Василевич, 1948, 57–58]⁴. А. Н. Бернштам писал о генетической связи этнонима *байырку* и топонима *Баргузин* [Бернштам, 1947, 63]. Г. Н. Румянцев прямо отождествил *байырку* с наименованием *баргут*, впервые упомянутым у Рашид ад-Дина, стремясь обосновать идею о том, что речь идет о монголоязычном племени [ИБМ, 1, 42 и след.; Румянцев, 1962, 133, 244]. Ю. А. Зуев, комментируя в «Тан хуэй яо» 唐會要 (цз. 72, с. 1305, стр. 3) описку в названии гидронима *Чжан-е-гу хэ* 杖曳固川 вместо *Ба-е-гу хэ* 拔曳固川 [Зуев, 1960, 97, 105, коммент. б], отождествил *Баргузин* с *Баргуджин-токум* Рашид ад-Дина, что этимологизировал как «Баргу-джин = Байырку-чин = река Байырку», т. е. сблизил формы *байырку* и *баргу* [Там же, коммент. 9]. С. М. Абрамзон осторожно указал на возможность сопоставить с *байырку* зафиксированный им в ходе полевых исследований эпоним *Байгур*, известный в преданиях о происхождении уйгуров как предок таранчи, или *Байгыр* как предок уйгуров [Абрамзон, 1971, 54–55]. Ц. Б. Цыдендамбаев считал, что *байырку* выступает как тюркская калька монгольского *баргу*, приводя в пример явно мнимое созвучное кирг. *байыркы* ‘примитивный, стародавний’ (по словарю К. К. Юдахина) и халх. *барга* ‘грубый, примитивный; патриархальный, стародавний’ [Цыдендамбаев, 1972, 279].

Сейчас уже трудно сказать, с чьей конкретно подачи, но отождествление *байырку* и *баргу* как форм одного этнонима стало настолько распространенным в историографии, что превратилось в своего рода «устоявшуюся истину» и кочевало из работы в работу, не подвергаясь критике, пока один из авторов [Нанзатов, 2005, 20] не обратил внимания на фонетические трудности, возникающие при

⁴В языковом отношении они принадлежат к «шипящей подгруппе южной сибилитивной группы диалектов эвенкийского языка» и по крайней мере к XVIII в. кочевали по обоим берегам Енисея, видимо, вплоть до устья Ангары; по разным данным, группы *Бая-ки* кочевали по территории Обь-Енисейского водораздела и к востоку от Енисея [Василевич, 1948, 56–57]. Для сопоставления Г. М. Василевич приводит русифицированную фамилию *Башины* у эвенков-ламатов Верхоянского района Якутии, она же известна как название одного из родов (в отписках охотских казаков), а также как родовое название ульчей на Амуре *Байуксели* и идентичное название рода ороков на Сахалине [Там же]. По сведениям Л. А. Штернберга, некоторые ороцкие роды в верховьях р. Тумнин ведут свое начало от эвенков рода *Ваја*, живших на Амуре. Среди маньчжурских родов одним из самых древних считается *Баяра*; на всей территории расселения эвенков встречается название *Бая-гур*. Кроме того, селькупы, живущие по р. Турухан, называются *Баихинские*. Г. М. Василевич приводит «маленькую заметку на карте России 1562 г. времен Ивана Грозного» рядом с названием местности *Бауда*, помещенной, как и страна *Colmak*, к востоку от Оби [Там же, 57–58]. Где можно говорить о реальном единстве происхождения приведенных названий, а где — видеть лишь совпадения на основе созвучия, нужно разбираться специально. Так или иначе, Г. М. Василевич сделала вывод о том, что элемент *Бая-* свидетельствует о названии когда-то существовавшего «большого племени или народности» или «древней племенной группы», чьи потомки позже разошлись по всей территории расселения тунгусских племен. Исследовательница предположила, что изначально территорией их расселения были районы от Оби до Байкала [Там же, 17, 58, 59]. Ср. эвенк. *бајагур*, *бајакі* ‘название рода’, при *бајан* ‘богатый’, *бајакіт* ‘богатая чем-то местность’, *бајан-* ‘богатеть’ и др. [ССТМЯ, 1, 65].

отождествлении этих этнонимов. А. К. Камалов, выступивший с критикой тенденций вписать *байырку* в этническую историю бурят, основывающихся на привязке к *байырку* средневековых археологических культур Забайкалья, сделал акцент на историческом обосновании — откочевке *байырку* в Восточный Туркестан после поражения в войне с уйгурами в 750-е гг. [Kamalov, 2001]⁵.

Не имея сейчас возможности коснуться вопросов локализации племен и их политической истории, рассмотрим вероятные варианты этимологизации этнонима на тюркской основе.

Как отмечает М. Эрдал, глагол **bay-* в тюркских языках не засвидетельствован, есть только *bayu-* < *bay* + *u-* ‘быть или становиться богатым’, который в древнетюркских и среднетюркских (караханидско-уйгурских) памятниках выступает как отыменное образование от имени *baj* ‘богатый’ + *+U-*, аффикс непереходного глагола [OTWF, 2, 475]. Рассматривая, в частности, слово *bayan*, М. Эрдал указывал, что, если предполагать его образование при помощи аффикса *-Xn*, ожидать гласный /a/ во втором слоге не следовало бы. Поэтому он склонен объяснять форму *bayan* как образование от основы *bayu-*, являющейся глагольным дериватом от прилагательного *bay* + *+U-*, однако и в этом случае характер второго гласного остается без объяснения [Erdal, 2007, 78–79, n. 14].

В словаре В. В. Радлова отмечены каз., казан. тат. *байы*, як. *бай* ‘богатеть’, осм. *байыр* ‘то же’ [Радлов, 1911, 1468, 1469]. Форма с узким гласным регистрируется также в словаре Ибн Муханны и в чагатайских и кыпчакских памятниках [EDT, 384–385] (см. также тур. диал., кум., к.-балк., кирг., каз., к.-калп., тат., башк., алт., тув., хакас. [ЭСТЯ, 2, 29])⁶. Эти факты свидетельствуют о существовании исходной общетюркской формы с узким аффиксальным гласным, который мог иметь как огубленный, так и неогубленный варианты: *baj* + *X-* [ср.: Pelliot, 1949, 196].

Тексты на брахми позволяют выдвинуть предположение о возможности расширения и делабиализации форманта *+U-* > *+A-* [Erdal, 2004, 90, n. 155]. Однако форма переходного глагола от *bay* + *u-* образуется путем прибавления аффикса *-(X)t-*, а не *-(U)r-* (с зарегистрированным алломорфом *-(A)r-*)⁷: *bayu-t-* ‘обогащать, сделать богатым’ [EDT, 385; OTWF, 2, 478, 765]. Последний факт не позволяет предполагать в основе этнонима глагол типа **bajir-* или совсем гипотетического **bajar-*.

Орфография древнетюркских памятников, преимущественно на брахми, а также нескольких ранних манихейских текстов иллюстрируют процесс расширения /i/ ~ /i/ в соседстве с /r/, /l/, а также /g/ ~ /ɣ/, хотя последнее известно

⁵ Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить А. К. Камалова за возможность ознакомиться с его работой.

⁶ Составители [ЭСТЯ], приводя форму *bayu-*, ссылаются на [Gabain, 1950, 301], где она вычленяется, видимо, в *bayayu* ‘состоятельный’, однако здесь *+(A)gU* — аффикс со значением собирательности [OTWF, 1, 93–97, 82].

⁷ Например, в среднекыпчакских языках [см.: Berta, 1996, 601].

уже в орхонских памятниках [Erdal, 2004, 16, 61, 91–92]. Известен и обратный процесс — сужение широких неогубленных гласных перед плавными /r/ или /l/ [Ibid., 92]. В первом случае форма *bajirqu* (> *bajarqu*) выступает как первичная, во втором первичной является *bajarqu* (> *bajirqu*).

Кроме того, древнетюркские памятники не знают аффикса *-KU. Речь может идти только об аффиксе -GU, при помощи которого образуется отглагольное имя, являющееся по сути лексикализованным причастием, указывающим на потенциальное «запрограммированное» действие, обозначенное в производящей глагольной основе [Erdal, 2004, 303–305]; в отдельных памятниках аффикс образует отглагольные имена со значением инструмента [OTWF, 1, 357, 359] (см. также ниже). Соответственно, в нашем случае можно предполагать нерегулярное оглушение /g/ ~ /ɣ/ после сонанта /r/ [см.: OTWF, 2, 870 (Index); Erdal, 2004, 112, 119–121, 287, n. 477].

С учетом всего сказанного есть две версии, касающиеся этимологии этнонима и трансформации его облика:

1) **baj* + *u-r-ɣu* ? > **baj* + *a-r-ɣu* ‘делающий (могущий / способный сделать) богатым’ > *bajarqu* (~ **barjaqu* ?) > *bajirqu*;

2) *baj* + *i-r-ɣu* ? > *baj* + *a-r-ɣu* ‘делающий (могущий / способный сделать) богатым’ > *bajarqu* (~ **barjaqu* ?).

Находящийся в первом слоге широкий /a/ не может оказывать ассимилятивное влияние на расширение /u/ [Erdal, 2004, 91], хотя это явление отмечается в некоторых ранних древнеуйгурских памятниках, для которых М. Эрдал осторожно допускает огузское влияние [Ibid., 14, n. 28].

Как отмечают авторы [СИГТЯ], в большинстве случаев соответствие /i/ и /a/ в тюркских языках, если речь идет о гласном непервого слога, наблюдается в соседстве с /j/; сравнительный анализ материала позволил Л. С. Левитской прийти к мнению о вторичности вариантов с /i/ [СИГТЯ, 1, 58–65]. По ее мнению, в древнетюркскую эпоху также должен был происходить переход /a/ > /i/ «перед сонорными и в окружении j» (как общетюркское явление, в том числе в многосложных словах, в безударном слоге) [Там же, 61].

Это позволяет считать первичной именно форму *bajarqu*, наиболее распространенную в письменных памятниках. Как и в случае с *bajan*, здесь есть все основания предполагать существование (диалектного?) варианта глагола **baj* + *a-*, если только *bajan*, достоверное соответствие для которого в тюркских языках есть только в чув. *pijan* ‘богатый’ (< **pijǎ*-?), не связано, как и другие формы этого слова, отраженные в греческой передаче или китайской транскрипции, с санскр. *piṇa* [Erdal, 2007, 78–79, n. 14].

Формально можно рассматривать *bajan* как глагол, выступающий в форме императива [см.: Rásonyi, 1962], являющийся, собственно, образованием с медиальным значением, при помощи аффикса -(X)n- [OTWF, 2, 584–639]: **baj* + *a-n-* (ожидалось бы **baj* + *u-n-*), букв. «обогагись, сделай себя богатым».

Вероятно, такая же вариативность гласного второго слога отражена в различных формах этнонима *bajundur*, *bajandir*, *bajindir* [Németh, 1991, 92, 102; Pelliot, 1949, 195–196], также, по-видимому, восходящего к глаголу *baju- ~ baji-* [Pelliot, 1949, 196–197; Rásonyi, 1962, 234–235], с присоединением медиального *-(X)n-* [ОТWF, 2, 584–639] и каузативного *-tUr-* [ОТWF, 2, 799–830, особенно 819–825; Eggers, 1999, 152, n. 98, 99; 154, 388], что дает возможность интерпретировать слово как форму императива — букв. «сделай богатым». Форму *bajundur* нужно считать исходной, и, судя по всему, точно так же следует предполагать исходный вариант для *bajarqu* в форме **bajurqu*. В этом случае вариант *bajirqu* может выступать и как равноправный с ним (диалектный?), и как вторичный от *bajarqu*.

байырку ~ байарку ≠ баргу

Хотя этнонимы, как правило, являются достаточно консервативными образованиями с точки зрения своего фонетического облика [Clauson, 1963], если все же говорить о гипотетической связи формы *bajirqu ~ bajarqu* со словом *баргу* — независимо от того, принимаем ли мы за исходную форму с узким или широким неогубленным гласным (даже если принять последний элемент в озвонченном облике **-yu*), — ни на тюркской, ни на монгольской основе никакой фонетический процесс не может в данном случае привести к изменению элемента *-aji-* или *-aja-* в *-a-* (*-ā-*?).

Теоретические основания для допущения различных фонетических процессов, приводящих к образованию вторичных долгот, дают данные тобаских языков (тофаларский) [СИГТЯ, 4, 608–609]⁸. Для комплекса *-aja-* подобных примеров не выявлено, но в тофаларском языке комплекс *-aji-* образует долгий гласный *-ээ-* или дифтонг *-эй-* (в кириллической транскрипции В. И. Рассадина) [Рассадина, 2014, 66, 144, 173], при этом важной чертой является характерное опереднение гласных под влиянием среднеязычного *-j-* [Там же, 20], не имеющее аналогов в тюркских языках. В. И. Рассадина, отметивший сходство этих явлений с фонетическими чертами говоров территориально близких к тофаларам западных бурят, не исключал здесь именно влияния последних [Там же, 173].

Чисто гипотетически можно предполагать редукцию *-i-*, находящегося в безударной позиции в форме *bajirqu*: > **bajirqu* > **bajrqu* ~ **bāērqu*, уже на монгольской основе [Владимирцов, 1929, 265, 275, 278, 281, 282, 283, 310, табл. 14]⁹. В ойратских диалектах в первом слоге комплекс *-aji-* развился в [*ā*] [Санжеев,

⁸ Следует отметить, что оглушение сонантов после смычного здесь тоже имеет спорадический характер [СИГТЯ, 4, 631].

⁹ Вслед за Б. Я. Владимирцовым мы оставляем над /a/ диакритический знак, обозначающий опереднение гласного, что менее ярко выражено в халхаском по сравнению с остальными монгольскими языками, где качество гласного с точки зрения рядности и подъема варьирует.

1953, 79, 81]¹⁰. В бурятских говорах образования с комплексом *-aji-* чаще демонстрируют в первом слоге произносительные варианты, варьирующие по рядности и подъему от [aĕ] до [ā̃], [æ] и [ā] [Рассадин, 1982, 59–61] (в особенности в западно-бурятских говорах сильна тенденция к развитию монофтонгов [Там же, 63, 65–66]), но с явной тенденцией к опереднению слогового согласного. Хотя процесс опереднения гласных под влиянием последующего /i/ является общемонгольской тенденцией, наиболее последовательно он прослеживается в ойратских диалектах, поэтому есть основания полагать, что с их влиянием связан ход этих же процессов и в западно-бурятских говорах [Там же, 65, 68, 118]. По мнению Б. Я. Владимирцова, неразличение [ĩ] и [i] в среднемонгольских языках имело место уже к XIII в., после чего [ĩ] динамично исчезает из языка [Владимирцов, 1929, 176]. В письменно-монгольском комплекс *-aji-* имеет одинаковое письменное отражение как в собственно монгольских, так и в заимствованных словах [Там же, 290–291]. Долгие гласные в монгольских языках являются позднейшими образованиями из дифтонгов, в свою очередь, возникших только в период письменно-монгольского языка [Там же, 305].

Исходя из этого, теоретически ожидаемая на монгольской основе форма, которая могла бы получиться из *bajirqu* (~ **bajiryu* ?) при сохранении вторичного ударения на последнем слоге (иначе это привело бы к ослаблению и возможной редукции финального гласного) [Владимирцов, 1929, 110–112; Рассадина, 1982, 26–37], все равно предполагала бы дифтонгоидный элемент в корневом слоге. Учитывая сложность этих процессов, едва ли — даже при всех допущениях — монофтонгоидный элемент в формах типа **bārqu* ~ **bāryu*¹¹ следовало бы ожидать в то время, когда слово **barqu* ~ *baryu* впервые регистрируется уже в XIII в. (см. ниже).

Все это говорит о том, что слово *baryu* имело самостоятельное происхождение и проникло в монголоязычную среду уже в таком виде.

баргу

В «Тайной истории монголов» (§ 239, стр. 14b) встречается форма **barqu/n* (*ба-эр-хунь* 巴儿浑). У Рашид ад-Дина слово фиксируется в написании *برقو* [brq̄w],

¹⁰ В новописьменных памятниках, созданных среди ойратов и монголов Южной Монголии, наблюдалась тенденция к обозначению посредством комплекса *-aji-* фонемы [ā] [Владимирцов, 1929, 294–295].

¹¹ Исходя из известных закономерностей употребления гласных в западно-монгольских языках (также в западно-бурятских говорах) [Санжеев, 1953, 85], ожидалось бы **bārgā*. Вместе с тем халхаский язык демонстрирует очень редкие случаи образования в позиции перед согласным монофтонгов из бывших дифтонгов, восходящих к комплексам *-aji-* и даже *-aja-*, т. е. > *-aj-* > *-ā-* [Владимирцов, 1929, 293, 294, 308, табл. 14]. Однако правила акцентуации, предполагающие ударение на первом слоге, не позволяют использовать этот материал для попыток обоснования превращения *bajirqu* ~ **bajiryu* ? во что-то типа **bārqu* ~ **bāryu*, поскольку ожидалось бы скорее **bār̄χe* ~ **bārgv* [Там же, 326–327, 345, табл. 14].

برغو [brġw], برقوت [brqwt], برغوت [brġwt] [Rashīd al-Dīn, ٢٨١٩ (Index)]. В «Юань ши» 元史 и поздней «Юань ши юй-цзе» 元史語解 встречается транскрипция *ба-ла-ху* 八刺忽 [Histoire des campagnes, 289]. Сопоставляемое с ним современное этническое название фиксируется в следующих формах: халх., бурят. *барга*, даг. *баргу* [ЭСМЯ, 1, 78].

Реконструкции на основе китайской транскрипции не вносят ясности, но, поскольку у Рашид ад-Дина наряду с формами преимущественно с «каф» [Rashīd al-Dīn, ٢٨١٩ (Index)] встречается форма с «гайн» [Ibid., ٢٢, ١٥٦], ٢٠٧٢], есть основания полагать, что здесь отражено явление, близкое к халх. [ɣ] > [x] [Владимирцов, 1929, 388], где [x] соответствует п.-монг. /q/ > /χ/ [Там же]. Соответственно, в нашем случае, как можно вывести из китайских транскрипций, глухой вариант подразумевает вторичный фрикативный.

Г. Й. Рамстедт предложил связывать монг. *bargu* ‘противоположный’ («старое название монгольских племен») с тунгусской именной основой *ba* ‘другая сторона’ и, соответственно, *bargi* ‘лежащий о ту сторону’, *bargigan* ‘с другой стороны, напротив, через реку’, приводя в качестве примеров монг. *nargu* ‘находящийся по эту сторону’, *esergü* ‘противоположный, встречный’, *qojirgu* ‘сомнительный’ и др. В качестве возможно родственной для тунгусской основы исследователь приводил монг. *bara-* ‘кончать, исчерпывать’, *baragsan* ‘рука’, тюрк. *bar-* ‘пройти путь, идти’, чув. *pur-*, *pür-* ‘то же’ [Ramstedt, 2, 56–57]. Эта версия принимается в [ЭСМЯ, 1, 78], где ср. также халх., калм. *бар-*, бурят., даг., дунс. *бапа-* ‘кончать, исчерпывать’. В другом разделе Г. Й. Рамстедт говорил о гомогенности отыменных аффиксов, образующих прилагательные тунг. *-gi* ~ *-gi*, *-gu* и монг. *-gui* (> *-gū* [см.: Владимирцов, 1929, 298]), приводя в пример тунг. *bargi dā* ‘находящийся на противоположной стороне’ (ср. *bargigan* ‘рядом с противоположным берегом реки’) [Ramstedt, 1, 235].

Н. Поппэ выделяет общую основу **bar-* для тунг. **bargi* ‘противоположная сторона’ и монг. *bar-a-yün* ‘правый, западный’ [Porpe, 1977–1978, 419]. На основе анализа слов, обозначающих направления пространственной ориентации в алтайских языках, он приходит к следующему выводу: «Если *sulilā* (*solilā*) означает “расположенный выше по течению” и “восточный”, и если “восточный” также значит “левый” в монгольском языке, противоположная сторона, эвенк. *bargī*, должна иметь что-то общее со значением “правый”, ср. п.-монг. *barayün*, халх. *barūj* “правый”, “запад” (см. **bar-*). В связи с этим можно предположить, что эвенк. *bargī* “место за рекой” может быть этимологом названия северо-западной части Маньчжурии и названия монгольского племени, п.-монг. *bargu*. Имена *barg udai* (личное имя) и *barg ujin töküm* (название обширной территории) уже зарегистрированы в XIII веке. Не исключено, что *bargu* было названием племени, которое жило “на другой стороне” какой-то реки» [Ibid., 420].

Эта гипотеза основывается на локализации *bargujin töküm* исходя из привязки к современному гидрониму *Баргузин*, однако есть также мнение, что эта

местность должна находиться не к востоку, а к западу-юго-западу от Байкала [см.: Грумм-Гржимайло, 2, 188, прим. 1; Нанзатов, 2018, 265–267].

Еще в XIX в. сэр Генри Хоуорс, решившись затронуть вопрос о прошлом бурят, отметил: «они иначе известны как Барга Буряты», — и, обсуждая другие известные ему версии происхождения этнонима, предположил, что упоминание у Рашид ад-Дина племени *Bargu* объединяет с ним историю бурят [Howorth, 1876/1965, 683]. Ученый заметил, что Абӯ’л-Ғазӣ ошибочно именует их *Turghaut* и, указывая при этом значение «на другой стороне», предположил, будто имя могло быть дано им, поскольку они жили на другой, чем монголы, стороне р. Селенга.

В переводе П. И. Демезона, отметившего в сноске возможность описки хивинского автора, это место у Абӯ’л-Ғазӣ звучит так: «Les Tourghaout, les Qouri et les Toulâs étaient de la même famille que les Ouïrâts dont ils n’étaient que des branches (orouq). Les Tourghaout, dont le nom signifie “de l’autre côté”, furent appelés ainsi, parce qu’ils habitaient de l’autre côté de la Sélenga qui servait de frontière au pays des Mogols» «Тургауты, хори и толесы были из той же семьи, что и ойраты, для которых они являлись только ответвлениями (орук). Тургауты, чье название означает «на другой стороне», назывались так, потому что они жили на другой стороне Селенги, которая служила границей страны Моголов» [Histoire des Mongols, 2, 46, n. 1]. В оригинале у Абӯ’л-Ғазӣ племя называется تورغاوت [twrgâwt], что, видимо, он перепутал, внося правку, с современными ему торгоутами среди ойратов¹², а фрагмент о них звучит так: «turğaut-ning m’nisi ari jaq timäk bolur m’ğul jurti-niң nariği ç’ätini s’l’nkä dirlär bu ellär s’l’nkä-ning ol jüzindä olturirlar erdi anıң üçün turğaut tidilär» [Histoire des Mongols, 1, 50], т. е. буквально «Тургаутов название “другая / противоположная сторона” (ары йақ) означает; [от] могулов страны (йурт) по ту сторону [находящуюся] границу Селенга устанавливала; эти народы (элләр) на той поверхности Селенги жили (букв. “сидели”); вследствие этого [их] “тургаутами” называют».

Таким образом, Абӯ’л-Ғазӣ, хотя и путает сведения, видимо, не совсем разбираясь в предмете своего повествования, все же дает некоторые уникальные данные, отличные от тех, что имеются у Рашид ад-Дина, трудом которого он пользовался. Представленная этимология, явно относящаяся не к تورغاوت [twrgâwt], а к برغوت [brğwt], соотносится с результатами изысканий, касающихся монгольско-тунгусской основы *bar- и ее проявления в тунгусо-маньчжурских языках.

Наиболее вероятными соседями монгольских племен, обитавших в Прибайкалье в рассматриваемый исторический период, были представители эвенкийского населения, потомки которых принадлежат к группе носителей сымского говора (см. выше прим. 4) либо токминского и верхнеленского говоров южного диалекта [Василевич, 1948, 89–90], а также представители тех ангарско-прибайкальских

¹² Впрочем, подобная непоследовательность в написании характерна и для Рашид ад-Дина [Rashiduddin, 1998, 55, n. 2].

групп, которые позже вошли в состав племен подкаменско-тунгусского круга [Василевич, 1948, 110, 117–118].

Для эвенкийской основы *баргѳ* ‘противоположный’ [ССТМЯ, 1, 73] регистрирует в подкаменско-тунгусском, сымском, северобайкальском и токминском говорах южного диалекта форму *баргиткѳ* (при общеэвенк. *баргискѳ* в пространственном значении) ‘на противоположную сторону’, ‘на противоположный берег’: *баргѳ* + +*ткѳ* (аффикс отправительно-направительного падежа — аллатива).

Хотя тунгусо-маньчжурские заимствования в монгольской среде еще недостаточно исследованы, насколько можно судить по примерам других языков, форма с узким гласным, являющаяся нормальной для эвенкийских языков рассмотренной территориальной группы, если бы она заимствовалась в монгольскую среду, скорее всего, не изменила бы своего фонетического облика, т. е. отразилась бы как **bargi*.

Ближайшие формальные аналогии следующие. Название племенной группы *баргы* в составе тянь-шаньских киргизов (племя *адигине*) сопоставляют с монг. *баргут* [Аристов, 1894, 438; Грумм-Гржимайло, 2, 188, прим. 1; Петров, 1961, 41, 42, 65, 66, 67, 85; Абрамзон, 1971, 47]. Название киргизской группы коррелирует также с могульским племенным названием *بارقى** [*bārqu*] (< рукоп. *يارقى* [*yārqu*]) [Абрамзон, 1971, 49; Юдин, 2001, 79].

В этом случае мы можем отметить зарегистрированный в древнетюркских памятниках формант *-GI*, выступающий как алломорф *-KI* с основами, которые оканчиваются на сонант типа /r/ или /n/, — аффикс образования форм существительных и прилагательных, обозначающих объект действия переходных глаголов, но преимущественно предмет действия непереходных [OTWF, 1, 320–322]. Вполне возможно, что он выступает как алломорф аффикса, в древнетюркских памятниках имевшего облик *-GU*, учитывая зарегистрированные, по крайней мере в кыпчакских языках, фонетические варианты, распределяющиеся по диалектам как *-GX* и *-GI* и образующие здесь имена со значением инструмента [Berta, 1996, 433, 555–561]. В этом случае этимология киргизского этнонима, как и его вероятного прототипа, кажется вполне прозрачной, если применительно к глаголу *bar* рассматривать аффикс в изначальной функции обозначения носителя действия.

В качестве аргументации для озвученных выше сопоставлений можно указать на зафиксированное соответствие в ранних памятниках п.-монг. /u/ в непервых слогах тюрк. /u/ (~ /i/), в том числе в последнем открытом слоге [Владимирцов, 1929, 318–319, 322]. В этом случае мы можем иметь дело с формой **bar-γu* ~ **bar-γi*, проникшей в монгольскую среду как морфологически неразложимая единица с обликом **barγu*.

Зафиксированное в уйгурской версии дестана об Огуз-кагане (XV в.) слово *barγu* (орфогр. *b'rq̄w*, один раз как *b'rqw*), по-видимому, является отглагольным образованием в результате добавления аффикса *-GU* и, будучи употреблено в значении ‘вещи, пожитки, добро’, коррелирует с др.-тюрк. *barq* ‘движимое

имущество, предметы домашнего обихода' [EDT, 359], образованным также от глагола *bar-* 'быть, иметься' при помощи аффикса *-(O)K* [Danka, 2016, 182, 309]¹³.

М. Эрдал, объясняя этот случай, предполагает, что после */r/* огубленный гласный выпадал в подобных ситуациях с односложными примерами [OTWF, 1, 22, 224]. Другая проблема в том, что начиная с ранних тюркских памятников глагол *bar-* фиксируется в значении 'ходить', иногда 'уходить', в ряде языков в последующем демонстрируя долготу гласного [EDT, 354; ЭСТЯ, 2, 64–65]. Имя *bār*, обозначающее наличие, присутствие [EDT, 353; ЭСТЯ, 2, 61–63], В. Банг в свое время предложил рассматривать как стяженный вариант от **bar-ir* [см.: ЭСТЯ, 2, 61–63]. По-видимому, несмотря на скептицизм Э. В. Севортына, долгота все же это подтверждает. В другом месте М. Эрдал указывает для *bar-* первичную форму **bari-*, основываясь на форме аориста [Erdal, 2004, 238]. В этом случае гипотеза об образовании *barq* от **bari-q*, с выпадением узкого гласного между сонорным и шумным, не утрачивает вероятности.

М. Эрдал, рассматривая др.-тюрк. *bar-im* 'имущество, богатство' [EDT, 366], справедливо указал на происхождение последнего от *bar-* 'ходить' + *-(X)m*, поскольку речь идет в первую очередь о скоте как об основном движимом имуществе кочевника [OTWF, 1, 292–293].

В монгольских языках с тюрк. *barq* коррелирует п.-монг. *baraya/n* 'имущество, скарб, пожитки', демонстрирующее, согласно Б. Я. Владимирцову, пример соответствия на алтайском уровне кластеров тюрк. «сонант + шумный + гласный» = монг. «сонант + гласный + шумный» [Владимирцов, 1929, 324, 338]. Б. Я. Владимирцов объяснял это как свидетельство существования между сонорным и шумным «очень краткого редуцированного гласного» на праязыковом уровне [Там же, 339].

В письменно-монгольских памятниках наблюдается соответствие монгольского */a/* в непервых слогах тюркскому */i/ ~ /u/*, в том числе в образованиях с аффиксом *-(O)K* (*~*(X)K*), восходящее, следуя Б. Я. Владимирцову, к праязыковому гласному неполного образования наподобие [a] [Владимирцов, 1929, 317–318, 322].

В [ЭСМЯ, 1, 76] для халх., бурят. *бараа(н)* 'скарб, пожитки; ткань, материя; товар', калм. *баран* 'скарб, пожитки; почетное место в юрте; богатство в доме', бурят. диал. *бараа(н)* 'сундук со скарбом' отмечается основа **bara-*. В [EDAL, 1, 329] для *baraya* берется значение 'ткань', несомненно, позднее, и сопоставляется с тюрк. **ber* 'жакет, ткань', но в качестве исходной формы дается праалт. **bāĀri-*. Ср. также: тув. *barān* 'товары, изделия' < монг. **barān* < п.-монг. *baraya(n)* < **barX-* + *-GAN* [Khabtagaeva, 2009, 219] (отглагольный аффикс, см. [Porre, 1954, 45; Khabtagaeva, 2009, 285]).

¹³Перевод в контексте дестана об Огуз-кагане 'добыча', предложенный А. М. Щербаком и подходящий контекстуально, приходится признать относительным [Щербак, 1959, 44, 52, 53, 55; ДТС, 83].

Вариативность написания второго гласного отмечается в памятнике XVIII в. «Халха Джирум» — в парном сочетании *qaryuïqu baruyïqu* (I, 141; VII, 203) [Пюрбеев, 2012, 197, 212], *qaryuïqu barayïqu* (VI, 203, 205) [Там же, 212]. Колебание /a/ ~ /u/ показывает наличие здесь редуцированного гласного [Владимирцов, 1929, 107–110, 313–315]. А. Серрюи, возражая против перевода ‘движимое и недвижимое имущество’ как не соответствующего историческому контексту [Seruys, 1972, 122], сопоставил второе слово с *baraya* ‘отдаленный объект’; *barayatai* ‘видимый издалека, заметный, примечательный’; *barayala-* ‘увидеть на расстоянии; увидеть издалека; наблюдать’ [Ibid., 123], в итоге придя к выводу о гомогенности двух основ: *baraya* означало «сначала форму предметов, видимую на расстоянии, а затем — сами предметы» [Ibid., 124].

В [ЭСМЯ, 1, 77, 79] *barayi-* (~ *baruyi-*), отраженное в халх., бурят. *барай-*, калм. *бару-* ‘затемняться, неясно виднеться’, сопоставляется с незарегистрированной основой **bara-*, ср. бурят. *хара бара* ‘темно, сумрачно’ [Там же, 76]. В [EDAL, 1, 352] прамонг. **baraya* ‘форма, силуэт’ возводится к праалт. **b̥ior[a]* ‘цвет, форма’.

Соответствию тюрк. *bar-q* и п.-монг. *baraya/n* ‘имущество, скарб, пожитки’, давшему указанные выше поздние формы, следуя закону *-aya- > -aya- > -ā-* [Владимирцов, 1929, 194, 231], противостоит п.-монг. *bariya* ‘захват скота для того, чтобы заставить владельцев его выполнить обязательства, которые, по мнению захватчиков, они имеют право требовать’ (ср. тюрк.: чаг. *baranta*, каз. *барымта* ‘разбойничий набег, баранта’) [Там же, 240], развившееся в халх. *bār'ā* по закону *-iya- > -ija- > -iā-* [Там же, 198], т. е. с узким гласным второго слога основы.

В качестве соответствия тюрк. *bar-* < **bari-* может также предполагаться монг. **bari-*, ср. *bari-* в халх., бурят. *бару-*, калм. *бар-*, дунс., мнгр. *бару-* ‘держат, почтительно, подносить; ловить; строить’ [ЭСМЯ, 1, 78]. В [EDAL, 1, 328] приводится прамонг. **bari-* ‘брать (руками), хватать’, ср. калм. *bār̥χp, bār̥χə* ‘держат в руке или схватить за руку’ [KWb, 38].

Уже в памятниках старописьменного периода известно явление выпадения гласного, независимо от его качества, между сонорным и шумным согласным, представленным смычным или проточным [Владимирцов, 1929, 334, 335] (т. е. в нашем случае /q/ или /γ/). Пример письменно-монгольского языка также демонстрирует наличие в непервых слогах, по крайней мере в одном из диалектов среднемонгольского периода, некоего краткого, склонного к редуции гласного, имевшего в памятниках облик /U/ ~ /I/ [Там же, 312–314]. Старописьменные памятники знали различие между /i/ и /i/, в том числе в непервых слогах [Там же, 318–319, 322], что одновременно может свидетельствовать об определенной архаичности предполагаемого образования **baryu* < **bari-yu* и объяснять отсутствие палатализации /r/, предшествующего узкому неогубленному гласному.

Соответственно, не обязательно связывать искомый этноним с тюркским примером из дестана об Огуз-кагане, предполагая для образования *bar-yu* ожидаемое значение ‘идущий,двигающийся, могущий / способный отправиться,

перемещаться и т. д.'. Слово **baryu* может быть рассмотрено как достаточно раннее монгольское образование, возникшее посредством присоединения отглагольного аффикса *-yu/-gii*, обозначающего качество, полученное в результате действия, заложенного в производящей основе [Рорре, 1923–1927, 95; 1954, 46], к корню **bara-* или **bari-* (> **bari-*), вопрос о соотношении которых не может считаться решенным. При этом халх., бурят. *барга* 'грубый, неотесанный', также в контекстах бурят. *барга харанхы* 'совершенно темный', *хара барга* 'темная масса, темнота' [ЭСМЯ, 1, 78], неразложимое морфологически, может являться как тем же словом с переносным значением, восходящим непосредственно к этнониму, так и гомогенным образованием.

Источники

- Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. 1894. Т. 4. Вып. 3–4. С. 391–486.
- Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Т. 6. Вып. 3–4. С. 277–456.
- Василевич Г. М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л. : Ленингр. отд-ние Учпедгиза, 1948.
- Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М. ; Л. : Изд-во Вост. ин-та, 1929.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край : в 3 т. СПб. ; Л. : Гос. рус. Геогр. о-во ; Нев. тип., 1914–1930.
- ДТС — Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л. : Наука, 1969.
- ИБМ — История Бурят-Монгольской АССР : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. П. Г. Хаптаев. Улан-Удэ : Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1954.
- Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Наука, 1961.
- Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. 2-бөлім. Т. 4 : Эулеттік тарихи жылнамалар / қытай деректемелерін аударған, түсіндірмелері мен ескертулерін жазған Б. Еженханұлы, Ж. Ошан ; ғылыми редакторы М. Қ. Әбусейітова. Алматы : Дайк-Пресс, 2006.
- Малаякин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск : Наука, 1989.
- Позднеев Д. М.* Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1899.
- Пюрбеев Г. Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М. ; Калуга : Эйдос, 2012.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. Ч. 2. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1911.
- Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1953.
- Цэнь Чжун-мянь — 岑仲勉. 突厥集史. 北京: 中華書局, 1958.
- Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М. : Вост. лит., 1959.
- Atwood Ch. P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York : Facts on File, 2004.

- Bacot J.* Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouigours au VIII siècle // *Journal Asiatique*. 1956. T. 244. Pt. 2. P. 137–153.
- Bailey H. W.* A Khotanese Text concerning the Turks in Kantsou // *Asia Major (New Series)*. 1949. Vol. 1. P. 28–52.
- Bailey H. W.* The Staël-Holstein Miscellany // *Asia Major (New Series)*. 1951. Vol. 2. Pt. 1. P. 1–45.
- Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. Paris : Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1903.
- Gabain A. (von)* Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben. 2. verb. Aufl. Leipzig : Otto Harrassowitz, 1950.
- Hamilton J.* Nasales instables en turc khotanais du Xe siècle // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1977. Vol. 40. Pt. 3. P. 508–521.
- Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou* / traduit et annoté : P. Pelliot et L. Hambis. T. 1. Leiden : Brill, 1951.
- Histoire des Mongols et des Tatares, par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân* / publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons. T. 1–2. Saint-Petersbourg : Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1871–1874.
- Kasai Yukiyo.* Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥 // “Die Wunder der Schöpfung”. Mensch und Natur in der türkischsprachigen Welt / hgs. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schönig. Würzburg : Ergon-Verlag, 2012. S. 81–141.
- Kasai Yukiyo.* The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th–9th Century : Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥 // 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū] // *Studies on the Inner Asian languages*. 2014. Vol. 29. P. 57–135.
- KWb — Ramstedt G. J.* Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935.
- Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1958.
- OTWF — Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vols. 1–2. Wiesbaden : Harrassowitz, 1991.
- Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1954.
- Pulleyblank E. G.* A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver : UBC Press, 1991.
- Rashīd al-Dīn —* محمدروشن؛ مصطفی موسوی. جامع التواریخ. رشید الدین فضل لله همدانی. ۲۹۷۷ ص. بخش. ۱۲۷۲. نشر البرز : تهران. به تصحیح و
- Rashiduddin Fazlullah's Jamī' u 't-tawarikh.* A Compendium of Chronicles: A History of the Mongols / transl. and annot. by Wh. M. Thackston. Pt. 1. Cambridge, MA : Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998.
- Schlegel G.* La stèle funéraire du Teghin Giogh: et ses copistes et traducteurs chinois, russes et allemands. Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino, 1892.
- Schlegel G.* Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun. Helsingfors : Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 1896.
- Şirin User H.* Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya : Kömen Yayınları, 2009.
- Taşagıl A.* Çin kaynaklarına eski Türk boyları: M.Ö. III — M.S. X asır. Ankara : Türk Tarih Kurumu, 2004. (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi — Sayı 206).
- Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon déchiffrees. Helsingfors : Impr. de la Societe de litterature finnoise, 1896.
- Thomsen V. Dr. M. A.* Stein's Manuscripts in Turkish “Runic” Script from Miran and Tun-Huang // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1912. P. 181–227.

Исследования

- Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. : Наука, 1971.
- Бамбаев Б. Б.* К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // *Бурятияведение*. 1929. Вып. 1–2 (9–10). С. 115–132.
- Бернитам А. Н.* Заметки по этногенезу народов Северной Азии // *Советская этнография*. 1947. № 2. С. 60–66.
- Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйао) // *Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана* / отв. ред. В. Шахматов. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1960. С. 93–140.
- Нанзатов Б. З.* Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск : Радян, 2005.
- Нанзатов Б. З.* Интерпретация значения Баргуджин-токум: древнетюркские корни // *Тюркологический сборник 2015–2016: Тюркский мир Евразии* / ред. Т. Д. Скрынникова. М. : Вост. лит., 2018. С. 263–274.
- Нимаев Д. Д.* Этнические общности XI–XIV вв. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука, 2004. С. 13–24.
- Петров К. И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. Фрунзе : Изд-во АН КиргССР, 1961.
- Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М. : Наука, 1982.
- Рассадин В. И.* Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2014.
- Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962.
- Самойлович А. Н.* *Богатый и бедный* в тюркских языках // *Самойлович А. Н. Тюркское языкознание*. Филология. Руника. М. : Вост. лит. РАН, 2005. С. 291–330.
- СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков : в 6 т. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука, 1984–2006.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : материалы к этимологическому словарю : в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л. : Наука, 1975–1977.
- Сосновский В. И.* К вопросу об образовании бурятской народности // *Бурятияведение*. 1928. Вып. 4 (8). С. 97–108.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972.
- Юдин В. П.* Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы : Дайк-Пресс, 2001.
- ЭСМЯ — Этимологический словарь монгольских языков : в 3 т. / сост. Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина ; науч. ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М. : ИВ РАН, 2015–2018.
- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков / сост. Э. В. Севортыан, Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадина. М. : Наука, 1974–. Т. 1–.
- Яхонтов С. Е.* Древнейшие упоминания названия «киргиз» // *Советская этнография*. 1970. № 2. С. 110–120.
- Bailey H. W.* Taugara // *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London*. 1937. Vol. 8. № 4. P. 883–921.
- Bailey H. W.* Turks in Khotanese Texts // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1939. № 1. P. 85–91.
- Berta Á.* Deverbale Wortbildung im Mittelkiptschakisch-Türkischen. Wiesbaden : Otto Harrassowitz Verl., 1996.
- Clauson G.* A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283 // *Journal Asiatique*. 1957. T. 245. Fasc. 1. P. 11–24.
- Clauson G.* The Name Uyğur // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland (New Series)*. 1963. № 3/4. P. 140–149.
- Danka B.* The Pre-Islamic Ögüz-nāmā: A philological and linguistic analysis. Szeged : Univ. of Szeged Graduate School in Linguistics Programme of Altaic Studies, 2016.

- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Vols. 1–3. Leiden ; Boston : Brill, 2003.
- EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford : Clarendon Press, 1972.
- Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden ; Boston : Brill, 2004.
- Erdal M.* The Khazar Language // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute / ed. by P. B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden ; Boston : Brill, 2007. P. 75–108.
- Ermers E.* Arabic Grammars of Turkic. The Arabic Linguistic Model Applied to Foreign Languages & Translation of 'Abū hūyayān Al-'Andalusī's *Kitāb al-'Idrāk li-Lisān al-'Atrāk*. Leiden : Brill, 1999.
- Hamilton J. R.* Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris : Presses Univ. de France, 1955.
- Henning W.* Argi and the 'Tokharians' // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1938. Vol. 9. № 3. P. 546–571.
- Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1899. S. 1–140.
- Howorth H. H.* History of the Mongols: from the 9th to the 19th Century. Pt. 1 : The Mongols Proper and the Kalmuks. New York : Burt Frankin, 1965. (Reprint of London : Longman, Green and Co, 1876).
- Kamalov A.* Some remarks on tribal attribution of the Turkic (Uighur) medieval archeological monuments of Zabaikal'ye in Siberia // Circle of Inner Asian Art, Newsletter of the Department of Art and Archeology. 2001. Iss. 13. P. 16–19.
- Khabtagaeva B.* Mongolic Elements in Tuvan. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2009.
- Németh Gy.* A honfoglaló Magyarság kialakulása / közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1991.
- Pelliot P.* Neuf notes sur des questions d'Asie centrale // T'oung Pao. 1929. Vol. 26. № 4–5. P. 201–266.
- Pelliot P.* Une tribu méconnue des Naiman: les *Bātākin* // T'oung Pao, Second Series. 1943. Vol. 37. Livr. 2. P. 35–72.
- Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de *Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (ār), -ur (ūr), -ir (ir)*. Paris : Adrien-Maisonneuve, 1949.
- Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Pt. 1. Paris : Imprimerie Nationale : Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959.
- Poppe N. N.* Die Nominalstammbildungsuffixe im Mongolischen // Keleti Szemle. 1923–1927. 20. Kötet. S. 89–126.
- Poppe N.* On Some Altaic Designations of Location // Monumenta Serica. 1977–1978. Vol. 33. P. 407–423.
- Ramstedt G. J.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft / bearbeitet und herausg. von P. Aalto. T. 1–3. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952–1966.
- Rásonyi L.* Les noms de personnes impératifs chez les peuples turques // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T. 15. Fasc. 1–3. P. 233–243.
- Serruys H.* The Mongol Word Pair *Qarayiqu-Barayiqu* // Central Asiatic Journal. 1972. Vol. 16. № 2. P. 119–124.

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

даг.	дагурский (даурский) язык	праалт.	праалтайский язык
др.-тюрк.	древнетюркский письменный язык	прамонг.	прамонгольский язык
дунс.	дунсянский язык	ран.-ср.-кит.	раннесреднекитайский язык (официальный диалект эпохи Южных и Северных династий и династии Суй 隋)
к.-балк.	карачаево-балкарский язык		
к.-калп.	каракалпакский язык		
казан. тат.	казанско-татарский язык (по В. В. Радлову)		
кум.	кумыкский язык	телеут.	телеутское наречие алтайского языка
мнгр.	монгорский язык		
общеэвенк.	общеэвенкийский литературный язык	тунг.	«тунгусский» (= эвенкийский) язык
осм.	староосманский язык		
п.-монг.	письменно-монгольский язык	хакас.	хакасский язык
пиньин.	Хань-юй пинь-инь 漢語拼音	халх.	халха-монгольский язык
позд.-ср.-кит.	позднесреднекитайский язык (официальный диалект эпохи династии Тан 唐)	чаг.	чагатайский язык
		эвенк.	эвенкийский язык

Прочие

орфогр.	орфографическая форма	К	реконструкция по системе Б. Карлгрена
цз.	цзюань 卷 (глава)	LMC	Late Middle Chinese по системе Э. Дж. Пуллиблэнка
EMC	Early Middle Chinese по системе Э. Дж. Пуллиблэнка		

* * *

Нанзатов Баир Зориктоевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела
истории, этнологии и социологии
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047 Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: nanzatov@yandex.ru

Тишин Владимир Владимирович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории
и культуры Центральной Азии
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: tihij-511@mail.ru

Nanzatov, Bair Zoriktoevich

PhD, Senior Research Fellow
Department of History,
Ethnology and Sociology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies, Siberian Branch of the RAS
6, Sakhyanova Str., 670047 Ulan-Ude, Russia
Email: nanzatov@yandex.ru

Tishin, Vladimir Vladimirovich

PhD, Senior Research Fellow
Department of History and Culture
of Central Asia
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies, Siberian Branch of the RAS
6, Sakhyanova Str., 670047 Ulan-Ude, Russia
Email: tihij-511@mail.ru

Bair Z. Nanzatov
Vladimir V. Tishin

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
 Siberian Branch of the RAS
 Ulan-Ude, Russia

BAYÏRQU AND BARĜU: DECONSTRUCTING ONE MYTH

In academic and unspecialized literature related to the ethnogenesis and ethnic history of the Buryats, the two ethnonyms *Bayïrqu* ~ *Bayarqu*, known in the Old Turkic period, and *Barġu* ~ *Barqu*, first recorded in the early 13th century, have been commonly regarded as corresponding forms, phonetically or, at least, semantically. This position fit well into the ideas about the ethnic continuity in the history of the population of the Baikal region at different stages. Once hypothetically suggested, this point of view established itself in historiography. But although accepted by many authors, this position has never been subjected to verification or philological criticism. The article aims to reconsider and dispel this misconception. The authors give philological evidence to prove that treating the ethnonyms *Bayïrqu* ~ *Bayarqu* and *Barġu* ~ *Barqu* as phonetic forms of one word at different historical stages is completely ungrounded. Specifically, the study shows that there are no phonetic rules, known at least for Altaic languages, to argue the transformation of forms *Bayïrqu* and *Bayarqu*, attested in written sources of the 8th–10th centuries, to *Barġu* known since the 13th century. The authors also consider different versions of the etymology of each of these ethnonyms, based on the materials of the Turkic and Mongolic languages. The name *Bayïrqu* ~ *Bayarqu* must be derived from the stem *bay+u-* ~ *bay+i-* ‘to be or become rich’ and is likely a verbal noun with the meaning ‘enrich (*Acc.*)’. Contrary, the ethnonym *barġu* is attested among Mongolic peoples and displays parallels in the ethnonymy of the Turkic peoples in the forms of *Barġi*, *Barqi*. It can be either a Turkic borrowing or an original Mongolic formation, in both cases representing a verbal noun from the stem *bar-*.

Key words: ethnonym, etymology, *Bayïrqu*, *Barġu*, Baikal region, Innermost Asia, Turkic languages, Mongolic languages, ethnogenesis of the Buryats.

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant 19-09-00082, *Innermost Asia on Historical Maps: Reconstruction of its Historical and Cultural Past*).

- Abramzon, S. M. (1971). *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [The Kirghiz and their Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties]. Leningrad: Nauka.
- Bailey, H. W. (1937). Ttagara. *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London*, 8(4), 883–921.
- Bailey, H. W. (1939). Turks in Khotanese Texts. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1, 85–91.
- Bambaev, B. B. (1929). K voprosu o proiskhozhdenii buriat-mongol'skogo naroda [On the Question of the Origin of the Buryat-Mongolian People]. *Buriatievedenie*, 1/2, 115–132.
- Bernshtam, A. N. (1947). Zаметки po etnogenezu narodov Severnoi Azii [Notes on the Ethnogenesis of the Peoples of North Asia]. *Sovetskaia etnografiia*, 2, 60–66.

- Berta, Á. (1996). *Deverbale Wortbildung im Mittelkiptschakisch-Türkischen*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.
- Clauson, G. (1957). A propos du manuscrit *Pelliot tibétain 1283*. *Journal Asiatique*, 245(1), 11–24.
- Clauson, G. (1963). The Name Uyğur. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland (New Series)*, 3/4, 140–149.
- Danka, B. (2016). *The Pre-Islamic Oguz-nāmā: A Philological and Linguistic Analysis*. Szeged: University of Szeged Graduate School in Linguistics Programme of Altaic Studies.
- Erdal, M. (2004). *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill.
- Erdal, M. (2007). The Khazar Language. In P. B. Golden, H. Ben-Shammai, & A. Róna-Tas (Eds.), *The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium Hosted by the Ben Zvi Institute* (pp. 75–108). Leiden; Boston: Brill.
- Ermers, E. (1999). *Arabic Grammars of Turkic. The Arabic Linguistic Model Applied to Foreign Languages & Translation of 'Abū h'Uayyān Al-'Andalusī's Kitāb al-'Idrāk li-Lisān al-'Atrāk*. Leiden: Brill.
- Hamilton, J. R. (1955). *Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Henning, W. (1938). Argi and the 'Tokharians'. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 9(3), 546–571.
- Hirth, F. (1899). Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen. In W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge* (pp. 1–140). St Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Howorth, H. H. (1876/1965). *History of the Mongols: from the 9th to the 19th Century. Pt. 1. The Mongols Proper and the Kalmuks*. New York: Burt Franklin.
- Kamalov, A. (2001). Some Remarks on Tribal Attribution of the Turkic (Uighur) Medieval Archeological Monuments of Zabaikalye in Siberia. *Circle of Inner Asian Art, Newsletter of the Department of Art and Archeology, SOAS University of London*, 13, 16–19.
- Khabtagaeva, B. (2009). *Mongolic Elements in Tuvan*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Nanzatov, B. Z. (2005). *Etinogenez zapadnykh buriat (6–19 vv.)* [Ethnogenesis of the Western Buryats (6th–19th Centuries)]. Irkutsk: Radian.
- Nanzatov, B. Z. (2018). Interpretatsiia znachenii Bargudjin-tokum: drevnetiurkskie korni [Interpreting the Meaning of the Baryujin-tokum: Old Turkic Origins]. In T. D. Skrynnikova, T. I. Sultanov, & I. V. Zaitsev (Eds.), *Tiurkologicheskii sbornik 2015–2016: Tiurkskii mir Evrazii* [Turkological Collection 2015–2016: Turkic World of Eurasia] (pp. 263–274). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Németh, Gy. (1991). *A honfoglaló Magyarság kialakulása* [Formation of Hungarians the Conquerors]. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Nimaev, D. D. (2004). Etnicheskie obshchnosti 11–14 vv. [Ethnic Communities of the 11th–14th Centuries]. In L. L. Abaeva, & N. L. Zhukovskaia (Eds.), *Buriaty* [Buryats] (pp. 13–24). Moscow: Nauka.
- Pelliot P. (1959). *Notes on Marco Polo* (Pt. 1). Paris: Imprimerie Nationale: Librairie Adrien-Maisonneuve.
- Pelliot, P. (1929). Neuf notes sur des questions d'Asie centrale. *T'oung Pao*, 26(4/5), 201–266.
- Pelliot, P. (1943). Une tribu méconnue des Naiman: les Bätäkin. *T'oung Pao, Second Series*, 37(2), 35–72.
- Pelliot, P. (1949). *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (är), -ur (ür), -ir (ir)*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Petrov, K. I. (1961). *K istorii dvizheniia kirgizov na Tyan'-Shan' i ikh vzaimootnoshenii s oiratami v 13–15 vv.* [On the History of the Kirghiz Movement on the Tianshan and their Relationship with the Oirats in the 13th–15th Centuries]. Frunze: AN KirgSSR.
- Poppe, N. (1977–1978). On Some Altaic Designations of Location. *Monumenta Serica*, 33, 407–423.
- Poppe, N. N. (1923–1927). Die Nominalstammbildungsuffixe im Mongolischen. *Keleti Szemle*, 20, 89–126.
- Ramstedt, G. J. (1952–1966). *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft* (Vols. 1–3). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Rásonyi, L. (1962). Les noms de personnes impératifs chez les peuples turques. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 15(1–3), 233–243.

- Rassadin, V. I. (2014). *Sovremennyi tofalarskii iazyk i ego mesto v sisteme tiurkskikh iazykov* [Modern Tofalar Language and its Place in the System of Turkic Languages]. Elista: Kalmyk Univ.
- Rassadin, V. I. (1982). *Ocherki po istoricheskoi fonetike buriatskogo iazyka* [Essays on the Historical Phonetics of the Buryat Language]. Moscow: Nauka.
- Rumyantsev, G. N. (1962). *Proiskhozhdenie khorinskikh buriat* [The Origin of the Khori Buryats]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhoe izdatel'stvo.
- Samoylovich, A. N. (2005). Bogaty i bedny v tiurkskikh yazykakh [Rich and Poor in the Turkic Languages]. In A. N. Samoilovich (Ed.), *Tiurkskoe iazykoznanie. Filologiya. Runika* [Turkic Linguistics. Philology. Runics] (pp. 291–330). Moscow: Vostochnaia Literatura.
- Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N., & Shevermina, Z. V. (Eds.). (2015–2018). *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov* [An Etymological Dictionary of Mongolic Languages] (Vols. 1–3). Moscow: Institut Vostokovedeniia RAN.
- Serruys, H. (1972). The Mongol Word Pair *Qarayiqu-Barayiqu*. *Central Asiatic Journal*, 16(2), 119–124.
- Sevortian, E. V., Levitskaya, L. S., Dybo, A. V., & Rassadin, V. I. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh yazykov* [An Etymological Dictionary of Turkic Languages] (Vol. 1–). Moscow: Nauka.
- Sosnovsky, V. I. (1928). K voprosu ob obrazovanii buriatskoi narodnosti [On the Genesis of the Buryat People]. *Buriatovedenie*, 4, 97–108.
- Starostin, S. A., Dybo, A. V., & Mudrak, O. A. (2003). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages* (Vols. 1–3). Leiden; Boston: Brill.
- Tenishev, E. R. (Ed.). (1984–2006). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov* [Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages] (Vols. 1–6). Moscow: Nauka.
- Tsintsius, V. I. (Ed.). (1975–1977). *Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh iazykov: materialy k etimologicheskomu slovari* [Comparative Dictionary of Manchu-Tungus Languages: Materials for an Etymological Dictionary] (Vols. 1–2). Leningrad: Nauka.
- Tsydendambayev, Ts. B. (1972). *Buriatskiye istoricheskie khroniki i rodoslovnnye* [Buryat Historical Chronicles and Genealogies]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhoe izdatel'stvo.
- Yakhontov, S. E. (1970). Drevneyshie upominaniia nazvaniya “Kirgiz” [The Earliest Mention of the Name “Kirghiz”]. *Sovetskaia etnografiya*, 2, 110–120.
- Yudin, V. P. (2001). *Tsentral'naya Aziya v 14–18 vekakh glazami vostokoveda* [Central Asia in the 14th–18th Centuries through the Eyes of an Orientalist]. Almaty: Daik-Press.
- Zuev, Yu. A. (1960). Tamgi loshadei iz vassal'nykh kniazhestv (Perevod iz Kitaiskogo sochineniia 8–10 vv. Tanhuiiao) [Horse Tamgas from Vassal Principalities (Translation from the 8th–10th Centuries Chinese Manuscript Tanhuiiao)]. In V. Shakhmatov, & S. Ibragimov (Eds.), *Novye materialy po drevnei i srednevekovoi istorii Kazakhstana* [New Materials on the Ancient and Medieval History of Kazakhstan] (pp. 93–140). Alma-Ata: AN KazSSR.

Received on 28 January 2019